

МАГИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

Э.А. Паин

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: В статье анализируются основные характеристики и факторы мобилизационного политического режима В. Путина: культ вождя, тотальное единогласие подданных, негативная консолидация, «заколдовывание мира» и др. Автор показывает связь незавершённого российского тоталитаризма с подавлением рациональности, проявляющимся в таких феноменах общественной жизни современной России, как абсурдизация политики, десекуляризация, расширение зоны сакрального, архаизация и варварство. Однако этот режим, по мнению автора, недолговечен и близится к закату по причине отсутствия идейных оснований для позитивной консолидации общества.

Ключевые слова: культ личности, вождизм, мобилизационный политический режим, негативная консолидация, политический абсурд, десекуляризация, архаизация.

После катастрофы немецкого самолёта, виновником которой был лётчик-самоубийца, Евгения Чирикова написала на своей странице в Фейсбуке: «У меня такое ощущение, что мы всей страной сидим в самолёте, которым управляет запершийся в кабине пилот, и гора все ближе, а до пилота не достучаться». Ей тут же ответили, что «большинство пассажиров радостно аплодируют его мастерству», но эти утверждения не противоречат друг другу. История мирового тоталитаризма даёт множество примеров того, как народы разных стран, зачарованные культом вождя, добровольно и даже с восторгом шли за ним к катастрофе. Тоталитаризм — это политический режим, основанный не только на репрессиях, осуществляемых властью, но и на тотальном единомыслии мобилизованного общества.

Режим всеобщей мобилизации

Нынешние политические перемены в России созревали не один год. С конца 1990-х годов надежды на демократизацию страны таяли буквально на глазах, и эксперты стали все чаще примерять к России «веймарский сценарий», завершившийся в Германии 1930-х победой нацизма. Россию с этим сценарием тогда связывало немного, разве что бурный рост так называемой негативной консолидации, сплочения народа против «врагов»: вначале, сразу после первой чеченской войны (1994–1996), — против врагов внутренних — этнических и религиозных меньшинств, «понаехавших» мигрантов, а с 2009 года социологи стали фиксиро-

вать, что фобии к внешним врагам, к Западу стали превосходить по масштабам фобии к врагам внутренним. Последнее было прямо связано с обозначившимся в 2004 году и усилившимся после Мюнхенской речи Путина (2007 год) поворотом во внешней политике России от сотрудничества с Западом к холодной войне.

И все же вплоть до начала 2014 года постсоветский политический режим в России типологически мало изменялся. Такой режим называли по-разному (авторитарным, «гибридным», режимом «управляемой демократии» и др.), но только не тоталитарным, поскольку отсутствовали основные признаки тоталитаризма, включая такой важнейший, как опора на мобилизацию масс. В ней не было необходимости, напротив, российский электорат после исполнения своей единственной общественной функции — поддержки национального лидера в ходе всенародного голосования — подлежал демобилизации до следующего вызова: «выборы закончены, спите спокойно — государь думает о вас и за вас, он лучше знает, что вам нужно, альтернативы государю нет». Эксперты разных политических направлений оценивали ситуацию в России к 2014 г. как противоположную мобилизации (активизации), а именно: как застой, «безвременье».

Либеральный эксперт Лилия Шевцова [Шевцова, Пашинский 2015] выпустила книгу с красноречивым названием: «Мы. Жизнь в эпоху безвременья». Провластный социолог, руководитель ВЦИОМа Валерий Федоров, диагностировал [Фёдоров 2012] признаки того же безвременья: отсутствие консолидации в народе и перспективных общественных целей у элиты, «разброд и шатания» в массовом сознании россиян. Однако застой не мог продолжаться вечно, он должен был завершиться либо модернизацией (вялые разговоры о ней велись лишь в период короткой «оттепели» — президентства Д. Медведева), либо политической реакцией. Второй вариант был куда более вероятным. В 2011–2012 годах впервые стал опускаться рейтинг Путина, пусть и незначительно, но в это время более половины населения стали называть партию власти партией «жуликов и воров».

Государь в 2012 году вернулся заметно недовольным медведевской либерализацией и раздраженным тем, что Запад игнорирует его великодержавные амбиции. По мнению аналитиков Левада-центра, к 2014 году «возможности сплочения населения вокруг фигуры Путина привычными „мирными способами“ оказались исчерпанными» [Волков 2015]. К этому времени подспела революционная смена власти в Киеве, которая, вероятно, была не столько причиной, сколько поводом для милитаризации российского общества и его политической мобилизации. Так или иначе, эти события, а затем присоединение Крыма и военные действия в Донбассе привели к трансформации политического режима в России.

Если бы в 1930-е годы использовались замеры рейтинга политиков, то у Сталина он был бы примерно таким же, как рейтинг Путина ныне.

О каких переменах идёт речь? Для начала скажем о рейтинге президента на уровне 85–88% в 2014-м — начале 2015 года. Несмотря на то что рейтинг В. Путина с 2001 года редко опускался ниже 60% [там же], эти различия в 25–30 пунктов имеют такое же значение, как температура человеческого тела: до 37 градусов — здоров, чуть выше — болен, а свыше 40 наступает угроза жизни. Вот и рейтинг главы государства, превышающий 80%, — явный индикатор политической мобилизованности общества, чрезвычайной активности населения в поддержке национального лидера.

В мировой практике такие показатели фиксируются нечасто, как правило, в некоторых экстремальных ситуациях. Например, в Великобритании у премьера У. Черчилля был рейтинг свыше 80% в периоды побед во Второй мировой войне, у М. Тэтчер — после Фолклендской войны в мае 1982 года, а в США у Дж. Буша-младшего — после разгрома армии Саддама Хусейна и его пленения в апреле 2003 года.

В названных случаях речь шла о кратковременном политическом ажиотаже, который невозможно было использовать для целенаправленной искусственной политической мобилизации масс, поскольку никто из названных политиков не имел институциональной возможно-

сти для превращения своей временной популярности в перманентный культ вождя. Уинстон Черчилль, которого в мае 1945-го англичане чествовали как триумфатора, уже в июле того же победного года узнал о поражении своей партии на выборах, находясь при этом на Потсдамской конференции, решавшей судьбу послевоенного мирового устройства. Там же он признал: «Что бы там ни было, а избиратели имеют полное право сыграть с нами такую шутку. В этом и заключается демократия. За нее-то мы и сражались» [Бернштейн, Карцев 2010].

Культ вождя и природа тоталитарной мобилизации

Принципиально иной политический режим сложился в странах, в которых политики становились несменяемыми «вождями народа» и единоличными правителями на десятилетия: Б. Муссолини (1922–1943), И. Сталин (1924–1953), А. Гитлер (1933–1945), Мао Цзэдун (1943–1976) и др.

Один из основателей советской эмпирической социологии и организаторов первых исследований общественного мнения В. Шляпентох пишет, что если бы в 1930-е годы использовались замеры рейтинга политиков, то у Сталина он был бы примерно таким же, как рейтинг Путина ныне, или чуть выше, хотя с точки зрения политической мобилизации разницу между 85% поддержки и 99% социолог считает несущественной [Шляпентох 2015]. Добавлю от себя, что рейтинг и других упомянутых вождей был бы не ниже. Ещё важнее для нашей темы признание выдающимся социологом спустя почти полвека после первых советских исследований общественного мнения правоты тех ортодоксальных марксистов, официальных советских философов, которые считали, что в Советском Союзе «бессмысленно изучать общественное мнение». Разумеется, не потому, что социология — «продажная девка капитализма», а из-за отсутствия в тоталитарном государстве с единой идеологией общественного мнения, отличающегося от «мнения» государственной пропаганды.

Революционная смена власти в Киеве была не столько причиной, сколько поводом для милитаризации российского общества.

В России появление сталинизма часто связывают с особенностью российской истории и чуть ли не генетической укоренённостью сервильного, имперского сознания. Но такой взгляд не способен объяснить появления в XX веке политических режимов, сходных между собой, по крайней мере, в обожествлении вождя. А ведь это произошло в целой дюжине стран: в католической Италии при дуче; в преимущественно протестантской Германии при фюрере; в атеистическом СССР при «великом вожде народов»; в конфуцианском Китае при «великом кормчем»; в буддистской Корее при «великом Вожде — Солнце Нации» Ким Ир Сене; в исламском Иране при «великом аятолле» Хомейни и др. Специфика национальной культуры не препятствовала появлению однотипных политических моделей, не ломала их, а лишь придавала им особый национальный колорит.

Например, германский нацизм появился в стране, прошедшей этап становления рациональной бюрократии, отличавшейся культом порядка, а вот итальянский фашизм появился в стране, где традиционно не очень почитался порядок и свирепствовала мафия. Разумеется, итальянская традиционность мешала эффективной мобилизации, но не останавливала ее: фашизм в Италии продержался вдвое дольше, чем нацизм в Германии. В СССР были преграды для мобилизации, похожие на итальянские, но они компенсировались возможностью высоких затрат демографических ресурсов: чем меньше порядка, тем больше затрат человеческих жизней. Вне зависимости от историко-культурных особенностей мобилизация в вождистском обществе обусловлена действием однотипных факторов.

И во всех подобных случаях, как отмечает В. Шляпентох, «поразительное единодушие всех фирм по изучению общественного мнения свидетельствует не о подлинной лояльности режиму в противовес другим альтернативам, а о мощи политической машины».

Подхватывая метафору «политической машины», можно сказать, что она обеспечивает тотальное (или почти тотальное, характерное для конформистского большинства общества) единомыслие за счёт целого ряда механизмов политической мобилизации:

- во-первых, отсутствия реального политического выбора, включая и имитацию выбора (вождю нет и не может быть альтернативы, даже если он дряхлый старик);

- во-вторых, нагнетания страха, и не только в виде репрессий типа ГУЛАГа, Маутхаузена, инквизиции или «охоты на ведьм», но даже и в таких «мягких» формах устрашения, как увольнение с работы историка за идеологически крамольное сравнение или запрет спектакля, увольнение директора театра за те же проявления идеологической крамолы;

- в-третьих, подкупа единомышленников, провоцирования перебежчиков. Перекупленные, пригретые ренегаты («отрекшиеся»), идейные и политические перебежчики в партию власти или в свиту государя всегда были многочисленны на Руси (С. Уваров, Ф. Булгарин, М. Катков), а ныне их и не счесть;

- в-четвёртых, культурного растрепания общества, архаизации массового сознания. Сам термин «вождь» указывает на попятные движения общества к трайбализму, но ещё больше эта архаизация проявляется в ослаблении рациональных свойств массового сознания и в утрате индивидуальности, то есть в возвращении к стадности.

На мой взгляд, культ вождя и тотальное единогласие подданных достижимо в любом обществе, если в нем будут созданы условия, отбрасывающие его к состоянию социальной и культурной архаики — к отсутствию выбора в политике и к иррационализму в массовом сознании. Пример великих культур, сорвавшихся в дикость, как Германия во времена нацизма или Китай времён «культурной революции», это доказывает. И все же вероятность и глубина такой архаизации неодинаковы в разных типах обществ. Они тем выше, чем исторически беднее культурная почва в той или иной стране, чем меньше опыт политического разнообразия и тоньше слой рационализма. В целом же духовное растрепание даётся легко, поскольку движение от культуры к натуре, от цивилизации к архаике неизмеримо проще и легче, чем подъем от дикости к цивилизации, особенно если попятное движение подгоняется властью.

Заколдовывание мира: «разуму трудно спорить с абсурдом»

М. Вебер называл рационализацию сознания, освобождение человека от влияния мистики «расколдовыванием мира» (*Entzauberung der Welt*), считая этот процесс одной из важнейших закономерностей исторического развития. Тоталитаризм как «современное варварство» занимается прямо противоположным — подавляет рациональность. И в современной России заметны признаки такой динамики. Например, на вопрос социологов Левада-центра «Какой страной хотели бы видеть Россию — великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны, или же страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира?» в 2006 году всего около трети (36%) опрошенных выбирало ценность «величия», а две трети (62%) отдавали предпочтение благосостоянию. В 2014 году произошёл перелом в массовом сознании, и показатели предпочтений «благосостояния» и «величия» почти сравнялись: 47% россиян ответили, что хотят видеть Россию великой державой, и 49% отдают предпочтение благосостоянию [Елкина 2015]. С этими переменами в значительной мере связан и рост рейтинга Путина, ведь его главным достижением большинство считает укрепление величия России, равно как и то, что её стали больше бояться за рубежом. Растущий антиамериканизм, охватывающий почти три четверти населения, во многом базируется на этой же идее, поскольку «Америка противостоит российскому величию, испугавшись того, что Россия встаёт с колен». Почти двукратный рост (с 2012 года) доли россиян, оправдывающих сталинские репрессии, косвенно также связан с отмеченными переменами, ведь «Сталин боролся с врагами, препятствовавшими величию России».

Идейные перебежчики в партию власти всегда были многочисленны на Руси, а ныне их и не счесть.

В России в последние два года быстро набирает обороты такая форма архаизации, как десекуляризация всей общественной жизни — сжатие мирского и гигантское распространение зоны сакрального, само обсуждение которого кощунственно. Сравнение политического режима России с тоталитарными — страшное кощунство, критика власти — святотатство. Министр иностранных дел С. Лавров считает кощунственным выдвижение политизированных интерпретаций убийства Немцова, а бывшие российские граждане в руководстве «ДНР» и «ЛНР» называют ОБСЕ неадекватным и «кощунственным» [Руководство «ДНР» и «ЛНР»... 2015].

После присоединения Крыма в массовом сознании были сформированы мессианские настроения: «Великая Россия призвана защитить русский мир от любых врагов: фашистов, либералов, Запада» [Елкина 2015]. Ещё раньше мессианство стало проявляться у лидера нации. Д. Тренин подчеркивает заметные изменения в дискурсе и в поведении лидера России в последние годы, отмечая, прежде всего, что «Путин, похоже, уверовал в свою Богом данную историческую миссию. Человек, известный своим прагматизмом, называвший себя слугой общества, управленцем, превратился в посланца высших сил. Путин не только стал упоминать Бога в публичных выступлениях, но и вёл себя как человек, делающий то, что поручил ему Всевышний» [Тренин 2015].

Один из основоположников политической антропологии Э. Эванс-Притчард как-то невзначай сказал в конце 1940-х годов, что изучение роли колдунов у африканских племён азанде помогло ему понять природу тоталитаризма. Спустя десятилетия становится понятным фундаментальный смысл этой идеи: культ как пожизненного вождя нации, так и колдуна основан на одном и том же — признании непостижимого, мистического могущества отдельного человека, в которого вселяется магическая, сверхъестественная сила или способность. В начале 1990-х протоирей Александр Мень, сравнивая безграничную власть мага, колдуна с «культом личности», подчёркивал, что в обоих случаях такая власть сверхчеловека «противостоит истинной вере, выражающейся в любви и доверии к Творцу, в смирении гордыни» [Мень б/г].

Колдун и вождь используют однотипные механизмы подчинения себе масс, обращаясь не к их разуму, а к эмоциям докультурного слоя, прежде всего, к страхам, фобиям. Герой романа Э. Ремарка «Ночь в Лиссабоне» нелегально приезжает в гитлеровскую Германию и больше всего поражается тому, что люди стоят толпами у городских радиоточек и горячо поддерживают алогичную информацию. Их запугивают рассказами о кознях врагов Германии во времена, когда их страна захватывает все новые земли.

В России набирает обороты такая форма архаизации, как сжатие мирского и гигантское распространение зоны сакрального, само обсуждение которого кощунственно.

Запуганный человек больше прижимается к вождю и ищет спасения в единении с «великим сообществом»: «белой расой», «мировым пролетариатом», «всемирным халифатом», «великой империей» и др.

Колдун же способен дать утешение, снять страхи — опять же мистическим путём, прежде всего, устранением той нечистой силы, от которой исходят все напасти. Такой мистический характер утешений лучше всего демонстрирует современная российская пропаганда. Она создаёт образ страшного врага, который с помощью магии «розданных печенок» способен вызвать «цветные революции» в любой стране, но и утешает аудиторию, показывая, что этого врага нетрудно превратить в «атомную пыль» (почему-то без ответной угрозы для своей страны). Военный теоретик рассказывает российской публике, как накликают на Америку 500-метровые океанические волны, чтобы её всю затопило, или сбросить атомную бомбу на Йеллоустонский вулкан, чтобы весь американский континент рассыпался на мелкие кусочки. Не знаю, насколько реально страшны эти военные угрозы, если они публикуются в открытых

источниках и при этом офицера, распространяющего их, не привлекают к уголовной ответственности (в отличие от многодетных домохозяек) за разглашение военной тайны. Так или иначе, подобные выступления военных экспертов сильно напоминают заклинания шаманов и дают основания для предположений, что эти стратеги втыкают иголки не только в геополитические карты, но и в восковые фигурки противника.

Трудно сказать, как далеко могут зайти человеческие сообщества, возвращающиеся к истокам традиций. Очевидно одно: нагнетание иррационализма — важнейший фактор самосохранения мобилизационных режимов. Французский историк А. Безансон мудро подметил, что политическая утопия исхитряется «сделать саму свою утопичность источником бесконечного долголетия. Реальности трудно бороться с ирреальностью, разуму трудно спорить с абсурдом» [Безансон 2004].

Незавершённая мобилизация

Мы говорили о том, что между вождизмом во власти и единомыслием в обществе существует заметная связь, но она далеко не абсолютная и не всеобъемлющая. Начну с того, что фиксируемая ныне в России консолидация большинства населения с властью весьма ограничена по своему предмету. Это, прежде всего, так называемая негативная консолидация против врагов. Но поскольку враги виртуальные, то и консолидация такая же — это объединение зрителей, болеющих за «наших», за свою команду по телевизору. Это консолидация респондентов, готовых на досуге сказать интервьюеру, что они поддерживают президента. Но такое единомыслие не переходит в единство действий. Даже на митинги в поддержку власти людей приходится привлекать с помощью административных ресурсов или проплачивать приход туда безыдейных, корыстных клакеров. С точки зрения самоорганизации оппоненты власти более активны. Недавний пример — ситуация вокруг спектакля «Тангейзер» в Новосибирске. Пресса, включая официальную, отметила, что на митинги сторонников запрещения спектакля (это решение поддержали власти) вышли сотни людей, а за возвращение запрещённого спектакля в репертуар — тысячи демонстрантов.

Негативная консолидация — продукт быстропортящийся, поскольку образ врага меняется, и иногда им становится недавний кумир. Для позитивной же консолидации нужны духоподъёмные цели, но их сейчас в России нет по разным причинам.

Какие-то цели власть выдвигает, но они не подхватываются обществом или противоречат наблюдаемым в нем тенденциям. Например, поддерживают ли россияне декларируемые властью цели защиты традиционных ценностей? Нет! В действительности наблюдается лишь заметная общественная активность против «чуждой» культуры, но не в защиту достижений своей культуры, которая, напротив, часто натывается на сопротивление властей, как, например, в случае пикетов общественной организации «Архнадзор». Вообще активность под лозунгом «запретить» сильно опережает активность в сфере созидания. Активность в сопротивлении новому многократно сильнее активности в возрождении традиционной, аутентичной культуры. Во всех этнических и религиозных группах России ныне преобладает тенденция свёртывания традиционных социальных отношений. Так, традиция почитания старших ослабевает даже в республиках Северного Кавказа, не говоря уже о центральной России. Повсеместно сужается сфера и активность семейно-родственных контактов. Растёт количество разводов (в том числе и в среде известных политиков), и особенно сильно растёт доля детей, рождённых вне брака [Щербакова 2014]. К несчастью, в российских роддомах растёт число брошенных младенцев [Светова 2009]; какие уж тут традиционные ценности?

Классические тоталитарные режимы обеспечивали себе социальную поддержку, выдвигая глобальные цели: «мировой революции», «тысячелетнего рейха», «всемирного исламского халифата» и т. п. Современная Россия позиционирует себя как аутсайдер, борясь не «за», а только «против», в геополитическом отношении — против гегемонизма. Фактически же она

лавирует между двумя центрами силы — Западом и Китаем. Вроде бы появилась цель защиты «русского мира», но после присоединения Крыма она не предполагает развития, по крайней мере, экспансии. Движение в Казахстан исключено — это поставит Россию в оппозицию не только Америке, но и Китаю; проект «Новороссия», скорее всего, нереализуем по многим причинам, в том числе и потому, что почти вдвое снизилась (Левада-центр) готовность россиян поддержать военные действия России против Украины (с 74% до 41% с марта по август 2014 г.). Впрочем, как раз эти настроения нетрудно изменить, поскольку милитаризация массового сознания — одна из самых простых задач для пропаганды. Вот воздействовать на сферу экономических интересов людей куда сложнее; как говорится, «сколько ни говори „халва“, во рту слаще не станет».

Негативная консолидация — продукт быстропортящийся

В экономической сфере образ счастья, если судить по современным российским медиа, — это «когда у соседа корова сдохнет». Нам много рассказывают о том, как плохо кончит Америка: к 2025 году её экономика «лопнет как мыльный пузырь, поскольку держится только на станке, печатающем доллары» либо «она рухнет под напором перенаселения и нехватки ресурсов», а может, её «накроет» новый мировой потоп, а Россия выйдет из воды сухой, сидя то ли на коньке-горбунке, то ли на печи. Ещё пару лет назад нам обещали удвоение ВВП — или хотя бы что Россия догонит Португалию. Сейчас о развитии и речи нет, разговоры ведутся лишь о том, как долго продержится падение. Понятно, что чем тема ближе к вопросам экономики и внутреннего развития, тем меньше шансов у власти заручиться по ней поддержкой населения. Какое-то время проблема может «замораживаться» разговором о том, что «Америка отбирает зарплату у российских врачей и учителей», но долго эта магия не удержится — эта сказка надоест, потому что надо есть.

В социально-экономической сфере России нет ни малейших признаков всеобщей мобилизации. Новая индустриализация, новый Днепрогэс или Турксиб не предвидятся. Пока в России все тот же период безвременья, цели развития не ясны ни элите, ни обществу. Да, есть магия вождя и его медиаколдунов, она позволяет манипулировать общественным мнением; она пока обеспечивает самосохранение власти, но эта магия не тотальная и не прочная.

Каково будущее страны после постановки «Тангейзера»?

Судьба театральных спектаклей и их авторов в СССР и постсоветской России — хороший показатель политической ситуации, характеризующий также и перспективы на будущее. Примером может служить судьба двух режиссёров — Всеволода Мейерхольда и Александра Таирова, а также их жён, выдающихся актрис Зинаиды Райх и Алисы Коонен. Когда тоталитаризм свирепствовал, недовольство вождя спектаклем (в 1934 году постановка Мейерхольдом «Дамы с камелиями» оскорбила чувства Сталина) привело не только к закрытию театра, но и к мученической смерти режиссёра и его жены З. Райх. Когда же тоталитаризм стал угасать, то нелюбовь вождя к Камерному театру и его закрытие в 1949-м не привели ни его главного режиссёра А. Таирова, ни его жену не только к пыткам и расстрелу, но даже и к тюрьме. В 60–70-е годы стало ещё больше свободы: спектакли закрывали, но о тюрьмах для режиссёров уже и речи не было. Ныне же единственный человек, которому после упоминавшейся постановки «Тангейзера» грозит тюремное заключение, — это вовсе не художник, а театральный менеджер, да и то не за спектакль, а за махинации с бананами. Так, может быть, и прав был К. Маркс, сравнивая попытки повторения истории с фарсом?

Нынешний «незавершённый (а может, и несостоявшийся) тоталитаризм» в России ближе к закату, чем к подымающемуся периоду, и он недолговечен. Вообще мобилизационные режимы по историческим меркам самые недолговечные: во-первых, они выстроены под конкретную фигуру, которой при жизни нет альтернативы, а после смерти — достойной замены; во-вторых, они держатся на эмоциях, которые переменчивы. Дуче в Италии долго поль-

зовался всенародной любовью (1920–1930-е годы), а уже в начале 1940-х тот же народ демонстрировал полное разочарование им: от любви до ненависти — один шаг. Ещё важнее, что меняются лидеры, а с ними и политика: в Китае после нестигаемого Мао пришёл гибкий Дэн Сяопин; в Иране после фанатичного М. Ахмадинежада пришёл прагматичный Х. Рухани; а уж в России маятник смены правителей («реформаторов» и «консерваторов», «лысых» и «волосатых») действует как хороший часовой механизм.

Исторически все процессы ускоряются, и я думаю, что время жизни мобилизационных режимов сейчас измеряется уже не десятилетиями, а годами. Впрочем, ещё раз сошлюсь на мудрого А. Безансона: «Те, кто наблюдал за существованием Советского Союза, прекрасно видели, что тамошний режим постепенно загнивает, однако видели и то, что это гниение не имеет точно отмеренных сроков и заранее намеченных пределов».

Безансон А. 2004. Россия — европейская страна? — *Отечественные записки*. — № 5 (20). — Доступно: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/rossiya----evropeyskaya-strana>. — Проверено: 12.12.2015.

Бернштейн А., Карцев Д. 2010. Черчилль — премьер-министр по чрезвычайным ситуациям. — *Сайт «VLASTI.NET»*. — Доступно: <http://vlasti.net/news/88339>. — Проверено: 12.12.2015.

Волков Д. 2015. Рейтинг Путина: аномалия или закономерность? — *Сайт Аналитического центра Юрия Левады*. — Доступно: <http://www.levada.ru/15-01-2015/reiting-putina-ano-maliya-ili-zakonomernost>. — Проверено: 12.12.2015.

Елкина М. 2015. Большинство граждан считают Россию великой державой. — *Известия*. — 24 марта. — Доступно: <http://izvestia.ru/news/584415#ixzz3VcJR7jBX%20stia.ru/news/584415>. — Проверено: 12.12.2015.

Мень А., прот. б/г. Религия, «культ личности» и секулярное государство. — *Сайт «Наследие протоиерея Александра Меня»*. — Доступно: <http://www.alexandrmn.ru/books/trudnput/telcultl.html>. — Проверено: 12.12.2015.

Руководство «ДНР» и «ЛНР»... 2015. Руководство «ДНР» и «ЛНР» назвало ОБСЕ неадекватным и кощунственным. — *Сайт «Joinfo.ua»*. — Доступно: http://joinfo.ua/politic/1069171_Rukovodstvo-DNR-LNR-nazvalo-OBSE-neadekvatnim.html. — Проверено: 12.12.2015.

Светова З. 2009. Возьми меня домой! В российских роддомах растёт число брошенных младенцев. — *Новые известия*. — 29 июля. — Доступно: <http://www.newizv.ru/society/2009-07-29/112486-vozmi-menja-domoj.html>. — Проверено: 12.12.2015.

Тренин Д. 2015. Россия порвала с однополярной системой: побудительные мотивы политики Путина. — *Сайт Московского Центра Карнеги*. — Доступно: http://carnegie.ru/2015/03/19/ru-59425/i4la?mkt_tok=3RkMMJWWfF9wsRoiv63NZKXonjHpfX76ukrXaSg38431UFwdcjKРmjr1YcCTMJ0aPyQAgobGp5I5FEIQ7XYTLB2t60MWA%3D%3D. — Проверено: 12.12.2015.

Фёдоров В. 2012. Россияне не понимают, чего хотят белоленточные смутьяны. — *Эксперт Online*. — 28 декабря. — Доступно: <http://expert.ru/2012/12/28/valerij-fedorov-rossiyane-ne-ponimayut-chto-hotyat-belolentochnyie-smutyanyi/>. — Проверено: 12.12.2015.

Шевцова Л., Пашинский Д. 2015. Своим возрождением Запад будет обязан Путину: Дмитрий Пашинский поговорил с известным политологом об исторической расщелине, в которой оказался мир. — *Сайт «COLTA.RU»*. — Доступно: <http://www.colta.ru/articles/society/7002>. — Проверено: 12.12.2015.

Шляпентох В. 2015. Изучение общественного мнения в 60-е годы и в настоящее время 99 и 85. — *Блог Владимира Шляпентоха*. — Доступно: <https://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2015/03/25/изучение-общественного-мнения-в-60-е-год>. — Проверено: 12.12.2015.

Щербакова Е. 2014. За 6 месяцев 2014 года число зарегистрированных браков и разводов, по сравнению с тем же периодом 2013 года, увеличилось. — *Демоскоп Weekly*. — № 609–610. — 8–21 сентября. — Доступно: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0609/barom04.php>. — Проверено: 12.12.2015.